1

День добрый, Лидия Андреевна!

Вашу новую книгу мы привезли в Тамбовскую область, в нашу Погореловку. Место ей для начала определили на старинном буфете, украшенном поверху гербарием нынешнего засушливого деревенского лета, где некогда цветущие ветви и травы в пузатых горшках и стройных кувшинах соседствуют с завязями и плодами черёмухи, калины, барбариса и прочими приметами природных перевоплощений. Есть даже яблоко на засохшей ветке. Вот уже девять лет на Пасху мы убираем этот гребень-гербарий, а к следующей Пасхе он, почти такой же, вновь готов к исчезновению. Книга удачно вписалась в этот интерьер. И я приступил к созерцанию обложки «Мы всё ещё русские. Наш ответ на вызовы времени». Мне по нраву ваш критический экспрессионизм со времён книги «Эх, славяне!..», хотя ближе душе художественные миниатюры из сборника «Уже и больные замуж повыходили». Надеюсь, что ваша новая книга расчищает путь для грядущего романа. Так сказать, от политики — к поэтике, круговорот слова в духовной природе.

Как старый охотник до момента выстрела, то бишь чтения, я долго наблюдаю за добычей. Название завораживающее, особенно определённо неопределённое словосочетание «всё ещё» в соседстве с «русские» и «Мы». Так точно назвать публицистическую книгу — это уже искусство. Теперь мне не избежать её внимательного прочтения. Всё же поиграю ещё с названием. Если оставить сокращённое: «Мы — русские», то интрига исчезает. Если вместо точки поставить знак вопроса, то выпирает «ответ на вызовы», и энергоёмкость фразы явно падает. Попробуем знак восклицания. Опять не то, мешает «всё ещё». Не сработает и «Мы же русские». Кто бы сомневался! Приходится признать, что вы, Лидия Андреевна, дали единственно верное название, по сути дела формулу всей книги.

«Русские» — прилагательное от корневого существительного «русь», которое прошло исторический путь более чем в тысячелетие. Сейчас лишь поэт, имея право на архаизмы, может сказать: «Мы — Русь, аз — русич, я великоросс». Существительное давно кануло в лету, осталось прилагательное. Как-то обидно для великого народа (сравните: немец, француз, белорус и т.д.). В том-то и дело, что изначально, по версии многих учёных, этим словом обозначался не отдельный этнос, а определённая категория людей, естественно сложившаяся (VIII–X века) на севере, в районе хорошо обустроенных и защищённых земель Старой Ладоги, а затем — Великого Новгорода. В этих краях, начальном ядре России, словом «русь» называли гребцов на речных судах-лодьях.

Возможно и другое толкование, уж очень это слово родное, славянское, так и видишь русые головы, так и чувствуешь полноводные русла рек. Реки пронизывают всю Великую русскую равнину, связывая земли и моря. Люди русь являлись не только гребцами, но и воинами (дружиной) своего князя, и послами, и купцами («гости»), а в дальнейшем — элитой государства Русь. Совершенно не важ-

ным было в те «давно минувшие года», скандинавы они или славяне, весь или коми, главное, чтобы это были крепкие, сообразительные парни и мужи, верные соратники своего господина. Лишь они с полным на то правом могли сказать: «Мы — русь». Те же, кто им подчинился или принял как защитников и гостей, соответственно — «русские».

Примечательно, что в русских былинах вместо древнего сочетания «какого ты рода-племени» приходит устойчивая фраза — «какого ты отца-матери». Много народов и племён обитало в бассейнах наших рек, а вот русь была одна, была принята как родная, сама приняла восточнославянский говор и стала естественной соединяющей силой и центром притяжения огромной державы, взявшей её имя. Так начался особый русский путь в мировой истории и культуре. Да, это «седое» прошлое, но на нас остаётся его вековая печать, мы — наследники, мы — всё ещё русские. Конечно, мы не Русь, ныне совсем другие «гребцы» на вёслах корабля, плывущего по реке Истории в будущее, мы её дальний потомок — Россия. Вера, язык и тысячелетняя история выковали нашу неповторимую физиономию, особое духовное волнение, единый народ.

Вложен ли вами, Лидия, этот глубинный смысл в понятие «русские»? Ответ положительный. В любом случае, не о некоем обижаемом всеми этносе идёт речь в вашей книге. Это иностранцы давно привыкли всех выходцев из СССР и Российской Федерации обобщённо называть русскими (которые всегда виноваты в том, что они русские). И ведь иезуитское чутьё их не обманывает, прилагательное «русский» не этнического, но именно державного свойства.

До свидания.

2

Лидия Андреевна, здравствуйте!

В прошлом письме я опять увлёкся корневыми темами, выйдя на поле нашей тысячелетней культуры. Но как бить критическим максимализмом по макушке и ветвям, если не чувствовать питающих их корней? Я очень рад, что ваша книга нашла себе место в нашем доме. Буду её читать внимательно. Мы всё вспоминаем нашу московскую встречу. Где же её и назначать, как не перед входом в ЦДЛ!

Мы пришли чуть раньше: писатели в отпусках, запустение. Поэтесса Нина Стручкова (*супруга автора — Прим. ред.*) увидела первой ваше стремительное приближение «на разрыв воздуха». Почерк шага схож с почерком слога. И я направил встречным потоком своё бородатое русско-мордовское добродушие. Мы обнялись и, минуя тяжёлые двери, направились в ближайшую кулинарию, где в уголке на троих обменялись книгами.

Вы оказали нам честь, придя на эту встречу. Стихотворцев ныне не балуют вниманием по причине то ли их многочисленности, то ли многоречивости. Вы начали разговор — и сразу накрыли современность, впрочем, как и нас самих. С ныне текущим временем у нас отношения взаимно сложные.

Чтение книги расцениваю как продолжение беседы. Встреча мимолётна, а книга постоянна. Раскрываю, листаю, пробую на вкус: классическая структура, заманчивые острые заглавия. Книга свёрстана так, что после слов заглавия «Будущее России» — чистый лист, бумажная полоса без единой буквы. Как философично! И действительно, прошлое знаем смутно, а будущее — бескрайнее снежное

поле, но под покровом белизны слышится голос озимых России: «Буду ещё я!» И я начал читать.

Прощаюсь, а по мере чтения буду делиться впечатлениями и размышлениями.

3

Приветствую!

Ну, скажу, Лидия, стиль у вас ножевой. Резать, так уж резать! Со времён вашей книги «Эх, славяне!..», ничего лучшего не читал, и ныне меня режет прямо-таки до костей. О России нельзя написать проездом, и вы вправе ссылаться на фразу Гоголя — «Нужно проездиться по России». Чувство страдающей Родины у него было также обострено до предела.

Следовать этой традиции сложно. Помнится, расставаясь с нами, вы сказали: «В России надо жить (пауза — В.П.) долго». Согласен как с первой частью высказывания, так и со второй. Не «проездиться», а жить и желательно долго… помучиться. (Вспомнился ответ красноармейца Сухова из фильма «Белое солнце пустыни» на вопрос: «Тебя сразу зарезать, или желаешь помучиться?» — «Желательно, конечно, помучиться».) Сам Гоголь «Мёртвые души» сочинял в Италии. Да, надо уметь в России жить, а для этого найти точку опоры и не сойти с ума. Мы свою опору обрели в Погореловке.

От первой части книги — «Колония духа» — перехватывает дух. Точно отобранные факты и непримиримые выводы. Мне больно, но я читаю. Останавливает внимание образ «котла народов» с наглухо привинченной крышкой, подогреваемый извне и кипящий изнутри. У Российской империи крышку сбросило, у Советского Союза — снесло. Возможно, придёт время, сорвёт крышку и с американского котла, и с котла Евросоюза. У вас проступает некая пропедевтика «теории котлов».

Но не всё так просто. Русь изначально была котлом народов — и не взрывалась, в империи представители всех народов и вероисповеданий являлись подданными Его Императорского Величества, а советский народ (многоэтническая общность людей) для меня, пусть уже историческая, но реальность. И что изменилось в Российской Федерации, или даже в отдельных её регионах, например Дагестане, где народ обитает в народе по принципу матрёшки? Естественное соседство народов под державной властью и обороной — явление взаимоудобное. Поглядите, как быстро этносы, отколовшиеся от СССР, залезли под крышку ЕС и нашли себе нового хозяина. Малым народам без империи никак нельзя. Их тянет туда как магнитом, хотя магнит мог бы быть попритягательней.

Может быть, дело не в котлах, а в истопниках? Плавильный котёл народов в США совершенно иной природы, он образовывался в век Просвещения, ускоренного технического прогресса, и не естественно, исторически, как в России, но скорее искусственно, насильственно (кольт, винчестер, пассионарии и преступники Старой Европы, резервации для индейцев, рабы, пуэрториканцы и пр.). И крышку не сносит! Не последнюю роль в крепости крышки играет американо-английский язык и притягательный бизнес, хотя вряд ли бедный «латинос» со мной согласится.

Распад СССР, мне кажется, не был неизбежностью. Думается, при действительно имперской природосообразной политике (взаимопомощь, а не игра в одни ворота) страна могла бы не только сохраниться, но и притянуть под свою защиту

другие родственные по духу народы. За XX век мы подвергли нашу страну двойному отрицанию, пора переходить к синтезу. Моноэтнические государства тяготеют к крупным империям, суверенность их ограничена, если вообще возможна. По крайней мере, на обозримом историческом поле времени.

Не буду вдаваться в идеологические инфернальные выверты, завершу письмо восхитительной цитатой из вашей книги: «не кидаться на спасение всего человечества, оставим эту сверхзадачу Соединённым Штатам. Интересно, снесёт ли крышку с их «плавильного котла», и если да, то когда именно» (с. 13). Замечу, что вы не ставите вопросительного знака в конце предложения. Ясно — снесёт.

До свидания.

4

И снова здравствуйте!

Лидия Андреевна, ваш стиль говорит о быстроте мысли. Мне, русскому эрзя, не угнаться за вами. Не поспеваю, приходится перечитывать, искать продолжение в других местах книги, находящихся порой на расстоянии прыжка. Вот пример: «Была ли дружба народов в советское время? Соцреализм — это расцвет небывалой жизнерадостности, романтизма, устремления ввысь» (с.14). Одно не вытекает из другого, но странным образом перекликается. Писатели и поэты не только утверждали дружбу, но искренне дружили. А какие классные переводчики появились! Великое тому множество подтверждений. И как просторно было лакскому или латышскому поэту на просторах жадно читающего Союза!

Хорошо, что знаменитый фонтан «Дружба народов» (на ВДНХ) восстановили, но в советские времена фонтанировали сами народы. Постепенно дружба между соседями в коммунальной державе по закону развития (зарождение, цветение, угасание и гниение) истощилась и преобразилась. Чрезмерно щедрому, но беднеющему центру благодарности не последовало. Как идеалист, замечу, что жить совместно можно было «жизнерадостно-романтично» и далее, если бы любить и взаимно уважать, помогать друг другу.

Очень надеюсь, дорогая Лидия Андреевна, что вы простите мне, считающему, что современность — это поле хотя бы одного тысячелетия, что ничего не получилось сказать об Украине, ни в стихах, ни в этих письмах, отталкиваясь от вашей книги. Есть острая боль, но нет у меня пока ясной картины этой трагедии, нет вариантов выхода из неё.

История продолжается, и ничего ещё не потеряно. Всё дело в людях, в том большинстве народа (населения), из которого выходят наши домоуправы. Вы говорите, что надо было найти, причём срочно, выход из «мировоззренческого тупика» (с. 15). Быстро не получится, придётся помучиться. Да и кому это было надо, когда замаячили отдельные квартиры и богатенькие заокеанские домоуправы? Так что с выводом — «крушение было неизбежным» (с. 15) — я почти уже согласился. Что махать романтическими руками после драки!

А вот о грядущем пути позаботиться стоит. Ведь если справедлив ваш вывод, то и о нынешней России можно заранее слёзы проливать. И тут, Лидия Андреевна, вы прекрасно итожите: «История человечества есть не история борьбы классов, а добра и зла» (с.15). Осталось отыскать добрых правителей для доброго народа. В СССР не нашлось, интересно, откуда они в России возьмутся? От добра не ищут

добра, и от него не бегут. Чувствую, что ответ где-то на следующих страницах книги, что вновь меня побуждает к чтению.

Надо подумать. До следующей встречи!

5

Лидия Андреевна, доброе утро!

Вот так начинаются наши погореловские дни. Нина уже возмущается, что каждый божий день с раннего утра я начинаю разговором о вашей книге, всё ищу в ней ответы на давно наболевшее.

Мне известна религия добра, а вот идеологии добра не припоминаю. Те, что мне известны, диалектически выворачиваются на реальное зло. Конкретного ответа в отвлечённых, пропахших наукой терминах не отыскать. Ясно одно, и тут вы правы на все сто, что без Добра мы становимся «колонией духа». Именно «духа», а не «Духа». (Вспомним горбачёвский «пир духа».) Ваш сабельный вывод — «надо меняться, и побыстрей» — не утешает. Тут на память приходят и слова русской народной песни «Ямщик, не гони лошадей…», и слова из библейской Песни песней: «девушки Иерусалима, не будите, не побуждайте любви, пока сама не проснётся».

Есть такая притча: садовник страстно желал, чтобы саженец поскорее стал деревцем, он охватил его за ствол и поднял до уровня своего роста. Корни оказались в воздухе — и растение засохло. Всему, разумеется, своё время, но приближать его приход всё же в наших силах, вернее, в нашей заботе. Кто против того, чтобы меняться? Но что и на что менять? Я бы отредактировал ваш глагол на «изменяться» или «преображаться». Если бы мы пожелали из-меня-ться (каждый из себя!), то избежали бы распада СССР. Идея преображения естественно вырастает из нашей тысячелетней истории, стоит только вспомнить её ключевые моменты. Искусственно их не сконструировать, как всё живое, как, например, поэзию и религию.

Рост с необходимостью должен быть природосообразен. Для меня природа наша коренится в родном языке, художественном языке прозы и поэзии. И если бы не языковая ваша высота, то стал бы я читать эту книгу? Изменяя языку предков, мы изменяем и народу, его настоящему и будущему. Вы это прекрасно знаете, наслушавшись вывертов современной космополитической «элиты» и перлов «золотой молодёжи». Ваше чувство языка восхищает и Нину и меня. Мы ведь чувствуем не абстрактно, а всеми собой. За идеей не видно людей, тут нужен живой образ.

Когда мы беседовали этим летом, я был обрадован вашим стремлением вернуться к художественному слову прозы. Ныне набирает силу безликая «колониальная» речь. Отсюда и «презрение к идеальному», и «срезанность верхушки» духовной вертикали, и искусственные конструкции писателей, о чём так убедительно вы говорите в книге. Всё, что не развлекает — с корабля современности. Вот бы научиться противостоять этому призыву.

Говори, и я скажу — кто ты!

Что-то я впал в менторский тон. Пока!

6

Здравствуйте, Лида!

Книгу вашу читаю медленно, но неустанно. Она не отвлекает меня от множе-

ства полезных дел. Но и не помогает. Нам привезли машину колотых берёзовых дров стоимостью в одну пенсию, самосвал сбросил их на ещё зелёную траву и уехал. Как похожа эта груда на весенний последний сугроб! Принялись за свою работу, и сугроб на глазах растаял, перебравшись с нашей помощью в дровяной сарай.

Иду к вашей книге, словно в духовный тренажёрный зал. Не все предлагаемые нагрузки мне по силам. Я всё ещё в первой части. Речь у вас идёт о власти. Восемнадцатый век её восхвалял (оды Ломоносова, Державина, Петрова), девятнадцатый ругал почём зря (критический реализм Радищева, Писарева, Салтыкова-Щедрина), двадцатый проклинал или подлаживался. Вот бы собрать эти оси в единую телегу в нынешнем веке, но мы скатываемся к позапрошлому. Будто власть сыпется с неба как инопланетяне, а не рекрутируется из народа и не является её наиболее пронырливой и расторопной частью. И как не согласиться, что «власть — это наше дитя» (с. 27).

Но если это так, то не пора ли родителям и школе браться за её воспитание и образование? Говорят, что лучше всего воспитывать своим примером. И сколько сборников примеров и упражнений предлагается критиками наших дней, не счесть! А воз и ныне здесь. Даже у писателей преклонение перед собственностью превышает благоговение перед словом. И то правда, слово не поит и не кормит. Похоже, «детям» вовсе не нужны родители от народа, а если и нужны, то не более чем кормильцы, организаторы их быта и отдыха. Кормило не кормит, но правит. Власть — наши дети, которые нам не подвластны.

На меня произвело сильное впечатление ваше наблюдение о советской и современной литературе, как о древе со срезанной духовной верхушкой, которое невольно разрослось веером множества ветвей. Нечем стало тянуться к небу. Вначале «ветви» ещё стремились ввысь, думая, что они макушки. Ныне как-то обвисли, склонились долу, а вокруг поднялась поросль, которой не цвести, не плодоносить, да и ствола у них нет. Живописно, но ужас и отчаяние охватывает от такого образа. За собою я оставляю право верить, что просто ещё не успел узнать имени гения русского Слова. Порой, слушая наших правителей, замечаешь, что у них есть хорошие консультанты и редакторы-слависты. Порой же дивишься бедности и мусорности индивидуального языка, чему в вашей книге есть отличные примеры. К сожалению, противоположных, равных по воздействию на людей, примеров явно недостаточно. И всё же они есть.

Я бы с радостью прочёл исследование «История русской элиты. Взлёты и падения», но таковой не знаю. Несомненно, вы, Лидия Андреевна, высказали ряд ценнейших мыслей по этому вопросу, особенно на нынешнем этапе бытования элиты: «Ой, вовсе не золото выплыло наверх!» (с. 36). Так можно начать былину об «элитариях». Причины неудач в отборе и сохранении лучших из лучших (греч. аристос, рус. аристократия) вами многократно названы и доказаны, и главная — «игра на понижение». Она стала нашей национальной забавой.

Вспомним, когда княжеская элита развалила Русь на отдельные земли, потребовалось московское боярство, чтобы собрать державу; когда оно окрепло и бросило вызов правителю, тотчас был создан социальный лифт для мелкопоместных дворян. Опричнина освежила кровь элиты, но игра продолжилась, и Пётр вводит «Табель о рангах» для обновления глупеющей элиты смекалистыми людьми из народа, даруя по выслуге дворянство.

Прошла пара-тройка веков, и дворянская аристократия довела процветающую империю до гибели, наступила недолгая эра советской элиты, открывшей безло-

шадным гражданам путь на самый верх. Что было дальше — подробно раскрыто вами, включая современные лифты на этот самый верх. Но «игра на понижение» продолжается. Причём, игра эта оказалась заразительной. Опускаясь по чиновничьей вертикали, она охватила чуть ли не все общественные и профессиональные союзы. Однако пессимизм неуместен, и фраза «неужели новая смута и распад нашей родины неизбежны, и мы ничего не сможем сделать?!» (с. 37) пусть останется риторической и призывной. Диагноз поставлен правильный, и врачи, как показывает история, найдутся.

Дела зовут.

Пока прощаюсь.

7

Приветствую!

Сегодня начал читать с фразы: «Резко пишу! Но ведь всё это — правда!» (с.37). Задумался о «правде» и понял, что не журналистская, не чиновничья, не критическая, но лишь художественная правда меня притягивает, лишь ей готов верить, лишь правда поэзии находит внутри меня соответствие, своё подобие, и отзывается голосом истины. Да, пишете вы правдиво, но если на карте местности обозначить только свалки мусора, то она не поможет найти виноградники. Впрочем, и задача у вас другая — очищение от мерзости. Из моего советского детства помнится мне речёвка: «Критикуешь — предлагай!» Хороший совет. Лишь настоящий художник добирается до полноты и цельности истинной картины мира. И что он может предложить? Роман, поэму, образ своей и всеобщей жизни.

К сожалению, «игра на понижение» проникла и в среду литераторов, писателей и поэтов. А ведь некогда была в России аристократия духа, «властители дум», наливное яблочко элиты Слова. Эхо её слышалось и в СССР, когда правители платили за строчку «инженерам душ» вполне достаточно, чтобы они безбедно предавались творчеству, правда, требуя взамен не отклоняться от газеты «Правда». Поскольку это для художника противоестественно, то затея провалилась, но поросль писателей успела разрастись. Теперь господствует не то что бы презрение, но отстранённость от идеального, бросовое отношение к его носителям, настоящим писателям, поэтам и философам, а «колониальный» язык приветствуется. Аристократия духа обнищала, дети элиты учат английский язык, так и не освоив в полноте русский, становятся доморощенными иностранцами.

Наши либералы считают себя аристократами, вынесенными за скобки народа. Ещё в позапрошлом веке Тютчев сказал о них так, как и о сегодняшних лучше не скажешь:

Чем либеральней, тем они пошлее!
Ц и в и л и з а ц и я — для них фетиш,
Но недоступна им её идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В её глазах вы будете всегда
Не с л у г и просвещенья, а х о л о п ы!

Я понимаю, что чувство опасности нарастает в вашем сердце. Властительный окрик «Писателей не трогать!» — знамение времени. Власть перестала тянуть

писателей за язык, вытягивая его, чтобы «накось» усечь, как никониане усекали его вождям старообрядцев, а то и с корнем вырвать.

Казалось бы, оставленная на свободе Муза должна расцвести, но, по вашему афористичному выражению: «У бедняков есть своя духовная радость — анархия» (с. 37). Тут уместно вспомнить изречение Михаила Бакунина: «Страсть к разрушению — тоже творческая страсть». Самозванцы и наследники, богатые и бедные, творцы и эпигоны, начальники и подчинённые, бунтари и покорные, «честные труженики» и разбойники — всё это входит в единое понятие «народ». Картина разрушения ужасает: «Будущее уже украдено» (с. 46), «для кого освобождаем землю?» (с. 51). Но чувство слова, простора и порядка у русского человека врождённые, проверенные тысячелетней историей, иначе Россия, перепоясанная Уралом, не приросла бы Диким Полем и Сибирью, не создала бы великий фольклор и классическую литературу. Жизнь «дивно хороша» (с. 47), и прекрасен исполненный вами гимн (с. 58) идеалистам наших дней! Вот на этой позитивной ноте и завершу своё письмецо.

До скорой встречи.

8

День добрый, Лидия Андреевна!

Читаю вторую часть вашей книги — «Противостояние». Привык к резкостям и крайностям вашего изложения, и уже не обращаю внимания на мелочи, поражаясь фактам поголовного «воровства», видимому сращению политического и поэтического: «Вместо искусства — политизированный дизайн» (с. 91). Здорово сказано о нездоровье! Ловко воруют «бедные» художники от слова «худо».

— Что делаете, шурики?

— Пилим бюджет!

И ведь особо не заметно, чтобы в людях ощущался духовный голод. Перепроизводство высокохудожественных произведений за серебряный и советский периоды? Измельчание человека? Политика властей и пиар властителей моды? Опошление вкуса?.. Ряд вопросов уходит в дурную бесконечность. Но факт остаётся фактом.

Такой поток негативной информации хлынул со страниц, что мне надолго его хватит для размышлений. Сочувствую, Лидия Андреевна, что вам пришлось окунуться в эту клоаку, это мы устранились и обходим её по светлой стороне. Поскребём по сусекам, наберём мучицы, да, глядишь, и румяный колобок испечём, хотя у читателя и свои пирожки не едятся. И — спасибо вам. Будь я министерством просвещения, рекомендовал бы вашу книгу для внеклассного чтения всем подросткам страны, «обдумывающим житьё» (В. Маяковский), хотя бы по предмету ОБЖ. Но власть, вскидывающая по-детски и хлопающая глазками, на это явно не пойдёт. А вот на спектакль с душком «Душа подушки» выдаст детишкам бесплатные билеты, и в Ленком поведут на срамную драму «Борис Годунов» (К. Богомолов), хотя в ней «нет ни поэзии, ни мысли, ни летящего русского слова, ни русской трагедии, ни интонации, ни-че-го!» (с. 120). И уж точно нет и тени Пушкина.

Тут вправе усомниться в творческом характере страсти к разрушению. Впрочем, задействована в данных случаях лишь страсть к деньгам и выпендрёжу. Индивидуальная интонация, личностная неповторимость, сопряжённые с народно-

стью, вытеснены голым индивидуализмом, желанием делать так, как не делали или стыдились совершать наши великие предки. Современная литература напоминает овощехранилище советских времён. Лучшее — элите, а простому потребителю довольно и так. Только там гнильё всё-таки выкидывали на свалку.

Как, оказывается, за двести лет изменилось наше просвещение, особенно доступность людям лучших книг от Новико́ва до Но́викова: «движение талантливых книг к читателю разрушено» (с. 145). Добавлю, что и определить ныне, талантлива книга или нет — некому. С большим удовольствием прочёл ваш гимн творчеству. Меня восхищает образный строй вашей речи (с. 147-148). Завтра начну день с того, что перечитаю этот отрывок.

Стало рано темнеть, мы почти все работы в огороде и саду завершили: землю перекопали, вырубили и распилили на дрова устаревшие деревья, прибрались, посадили чеснок и лук под снег, сидим дома под «телевизионное облучалово» (с.154) и топим печи. Кстати, о телевидении. Да, мерзость проникла туда и наполнила собой эфирное пространство. Попса не стесняется всерьёз называть себя «звёздами». Приходит на шоу и до неприличия обнажается, рассказывая, кто с кем спали, от кого родили, как принимали наркотики, у кого какие любовники и любовницы. И это становится обычным делом, они — «герои» передач — уже на самом деле, без стыда и совести, чувствуют себя героями. Причём подаётся это на основных каналах — те же персоны, и всё то же самое.

Справедливости ради замечу, что среди сотен новых каналов (у нас «Триколор») можно всё-таки найти что-то полезное и интересное — об истории, путешествиях, природе и обычаях разных стран и народов, о живописи и музыке. Есть отличные художественные фильмы, старые, когда в них ещё не было пошлости современной жизни. Кто ищет — найдёт.

Скоро в город.

До встречи.

9

Бог в помощь, Лидия Андреевна!

Сегодня хочу говорить о русской поэзии, своеобразно отражённой в вашей книге. Мир, где «всё назначено и поделено» (с. 154), где человек занят «разрушением своей души» (с. 162), этот мир, который был критически развёрнут на предыдущих страницах, может быть, не лучшее место для обитания энергичных созерцательных натур. И всё же поэта можно назвать главным действующим лицом, лирическим героем вашей книги, противостоящим духовному разрушению страны.

Вы утверждаете, что существующая у нас Роспечать «делает всё возможное, чтобы отбить у людей интерес к чтению» (с. 165). Неужели эта организация настолько деятельна и враждебно нацелена на культуру? Я вообще не знал о её существовании. Если бы производство настоящих книг приносило доход, то они бы, как с конвейера, пошли во все уголки страны. Спрос на традиционно серьёзные книги (не одноразовые!) снизился чуть ли не до нуля. Тут не последнюю роль играют и сами писатели, подключившиеся к «игре на понижение» (мелкотемье и ширпотреб), хотя ранее этого не наблюдалось, и творцы слова устремлялись «всё выше и выше», как пелось в известной песне.

Раньше писатели несли крест — теперь несут чушь. Или, возможно, они поднялись так высоко, что простому человеку их не видно и не слышно. Шучу.

Лидия, нет сомнения, что вы не просто чувствуете и любите русскую поэзию, но и понимаете её место в жизни человека и общества. Тому подтверждение, и не одно, нахожу в вашей книге: «Поэзия — настоящая — это прямое и безусловное обращение к душе человека. Поэзия, как и молитва, не может быть «бизнесом», и она невозможна в «цифровом» исчислении. Поэзия остаётся последним прибежищем последних героев, словом утешения для бедных, униженных и гонимых. Поэзия будет воскрешать Бога, дарить красоту, питать силы души. Будущее художественного слова есть будущее самого человека — потеряв его, он потеряет себя» (с. 182). Тут я усматриваю некоторое преувеличение, но в целом это правда, и ваша и моя, и множества других, воспринимающих поэзию как всечеловеческую ценность. Ваши бы слова да в уста правительства, но, боюсь, попадут они прямо в искусственные челюсти.

Книга ваша прошита стихотворными строками. Вначале вы даже не ставите имени под стихами (читатель должен знать?), орнаментируя ими свои самые светлые мысли. Лишь на 47-й странице, в сноске, а затем на 294-й, интрига разрешена и названо имя автора — поэт Валентин Сорокин, ныне действующий и живущий.

Это чудо, когда человек находит своего поэта. Раскрывает книгу, как двери, и входит в сердечный его мир, преображённый вдохновением, очищенный силой дарования от налипчивой видимой реальности, без какого-либо «критического реализма», — и перед ним открывается идеальная страна, сад, дом, любовь.

Все упомянутые вами высокие имена, все цитаты — из этого идеального мира, и они не случайны, поскольку сама душа произвела художественный отбор: «Стержень русской культуры — слово, а вершина — поэзия» (с. 290). Вот об этих поэтах и писателях хочется читать и читать. Я согласен с вами, что они — герои времени, в том числе и времени нашего «страшного мира» (А. Блок), они и есть истинная Русь-элита, гребцы, правда не на лёгких лодьях, а на тяжёлой галере, прикованные государевыми цепями к вёслам.

Я дочитал последнюю главу — «Крест русской судьбы». Разве это не подтверждение, что мы всё ещё русские!? Несмотря ни на что!

Спаси вас Бог!

До встречи в Москве.

Об авторе: Виктор Михайлович Петров — поэт, историк, литературовед. Родился в Томске, окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. Участник многих археологических экспедиций, кандидат педагогических наук. Член Союза писателей России, автор поэтических книг «Колчан сибирских стрел», «Заян», «Речения Яхрома, чулымского шамана», «За пределами суток», «Параллельные миры», «Крепостной дворянин», а также ряда книг о Древней Руси и русских религиозных мыслителях. Лауреат премии «Имперская культура» за книгу очерков по истории древнерусской словесности «Колодец поэзии. Опыт погружения». Живет и работает в Погореловке и в Москве.